

A photograph of an elderly man with white hair, wearing a dark blue suit and a patterned tie, sitting in a room. He is looking towards the right. The room is filled with tall wooden shelves. The shelves are packed with various types of mushrooms, some whole, some sliced, and some in baskets. There are also several rows of old, leather-bound books on the shelves. The lighting is warm and focused on the man and the shelves. The overall atmosphere is one of a quiet, perhaps slightly cluttered, study or library.

Сергей Чувашов

**Труп в лукошке, или
Грибной сезон для
детектива-неудачника**

Сергей Чувашов

**Труп в лукошке, или Грибной
сезон для детектива-неудачника**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Труп в лукошке, или Грибной сезон для детектива-неудачника /
С. Ю. Чувашов — «Автор», 2026

Владелец букинистической лавки, патологический мизантроп и знаток ядовитых грибов Тимофей Корнеев мечтал лишь об одном: чтобы его оставили в покое. Но судьба, в лице пёстрого совка опят, подбросила ему прямо в лукошко труп местного чиновника. А следом на пороге объявилась вихрастая оптимистка Катя — журналистка-недотёпа, уверенная, что они идеальный дуэт. Теперь Тимофею приходится применять свою дедукцию не на страницах старинных фолиантов, а в реальной жизни, кишачей странными лесными жителями, алчными застройщиками и невероятно назойливой коллегой по расследованию. Спасёт ли его цинизм от абсурдных опасностей? И что страшнее: пуля маньяка или появление в душе непрошеного, тёплого чувства к тому, кто верит в его талант, несмотря ни на что? К финалу им предстоит не только вывести убийцу на чистую воду, но и признаться в том, что их дружба переросла в нечто большее, способное победить даже самый ядовитый цинизм.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Чувашов

Труп в лукошке, или Грибной сезон для детектива-неудачника

Глава 1. Грибы и характер

Утро начиналось так, как и должно начинаться утро в конце сентября: с хрустящего инея на траве, с терпкого запаха прелой листвы и абсолютной, благословенной тишины. Тимофей Корнеев стоял на пороге своей букинистической лавки «Старый переплёт», вдыхал этот воздух и чувствовал редкое, почти химически чистое удовлетворение. Человечество ещё спало, не успев испортить день своим шумом, глупостью и навязчивым желанием общаться.

Лавка помещалась в старом кирпичном доме на окраине городка, там, где асфальт сдавался, уступая место лесной дороге. Вывеска, некогда вызолоченная, теперь походила на страницу старинного фолианта, изъеденного временем. Это было идеально. Внутри пахло пылью, бумагой, клеем и мудростью ушедших эпох – аромат куда приятнее, чем любая человеческая парфюмерия.

Философия Тимофея была проста и элегантна, как доказательство теоремы. Люди – это биологический сбой, слишком шумный и эмоциональный. Книги – молчаливые сосуды разума. Грибы – идеальные организмы, существующие в своём измерении тишины и разложения. Его мир держался на этих трёх китах, и он не собирался никого в него приглашать.

Он уже запер дверь, проверяя корзинку-лукошко и складной нож, когда из-за угла, нарушая утреннюю идиллию, возник силуэт.

– Корнеев! Товарищ Корнеев, вы как раз кстати!

Тимофей внутренне содрогнулся. Это был Петрович, местный пенсионер и коллекционер дешёвых детективов. Человек, считавший, что покупка книги даёт ему право на часовую дискуссию.

– Я закрываюсь, – без интонации произнёс Тимофей, делая вид, что возится с замком.

– На минуточку! Я вчера у вас приобрёл том «Отравленные перья: Злодеи викторианской эпохи». Захватывающе!

«Приобрёл» – это он громко сказал. Взял почитать с обещанием вернуть, что случилось в одном случае из десяти.

– Рад за вас, – пробормотал Тимофей, поворачиваясь к лесу.

– Вот я думаю, – Петрович загородил ему дорогу, излучая энтузиазм, – насколько же неэффективны были те старинные яды! Беллиадонна, мышьяк... Следы же оставались! Сегодня, я уверен, умный злодей использовал бы что-то вроде полевого грибочка. Съел человек и – хлоп! – сердечный приступ. Природа, так сказать, виновата.

Тимофей остановился и медленно повернул голову. Его серые глаза, обычно устремлённые куда-то внутрь себя или на корешок книги, сфокусировались на Петровиче с холодной, почти микроскопической точностью.

– Во-первых, – сказал он тихо и чётко, – *Amanita phalloides*, бледная поганка, вызывает не «хлоп», а мучительную многодневную агонию с периодом мнимого улучшения, что, кстати, часто сбивало с толку старинных диагностов. Её эффект – тотальный некроз печени. Это далеко от незаметного сердечного приступа.

Петрович замер с открытым ртом.

– Во-вторых, – продолжил Тимофей, перекладывая лукошко из руки в руку, – мышьяк, при всей его «грубости», был гениален именно своей обыденностью. Он был в крысином яде, в зелёных обоях, в лекарствах. Его следы – да, обнаружимы сейчас. Но тогда их путали с симптомами холеры. Гениальность злодейства не в сложности яда, а в понимании контекста. Убийство – это прежде всего вопрос правильного времени, места и... психологии жертвы. А не ботаники.

Он сделал паузу, дав словам впитаться.

– Ваша книга, кстати, на третьей полке слева, – добавил он. – Перевод ужасен, фактология хромает. Особенно в главе про аква тофану. Не тратьте время.

Развернувшись, он твёрдым шагом направился к лесу, оставив Петровича в ступоре на пороге опустевшего человеческого мира.

Тропинка мягко уходила под ноги. Тишина снова сомкнулась над головой, нарушаемая лишь хрустом веток и отдалённым стуком дятла. Удовлетворение вернулось. Он провёл небольшую лекцию, отстоял свои границы и, возможно, отвадил назойливого клиента на неделю. Идеальное утро.

Солнце, пробиваясь сквозь рыжую листву клёнов, играло в каштановых прядях его нестриженных волос. Он не думал о книгах, которые ждали его в лавке, о глупости окружающих, о надвигающейся зиме. Он думал только о влажной земле под мхом, о характерном упругом похрустывании опёнка при срезе и о том безмолвном диалоге, который ведёшь с лесом, когда ищешь его скрытые дары.

Он ещё не знал, что сегодня лес приготовил для него не съедобный, а совсем другой, смертельный «урожай». И что его упорядоченный мир, выстроенный из книг, тишины и грибов, вот-вот даст первую трещину.

Глава 2. Особенности национальной «тихой охоты»

Лес принял его, как принимает старого знакомого – без восторгов, но с молчаливым пониманием. Воздух здесь был гуще, насыщенней: влажная земля, грибная сырость, горьковатый дымок где-то далёкого костра. Тимофей шёл не спеша, глаза скользили по привычному ландшафту, выискивая несоответствия: бугорок рыжей хвои, неестественную выпуклость у корня берёзы, сломанную травинку.

«Тихая охота» – это медитация. Полное отключение от внешнего шума и погружение в мир запахов, тактильных ощущений и почти инстинктивного поиска. Мысли замедлялись, выстраиваясь в чёткую, ясную линию. Вот здесь, под этим старым пнём, должны быть опята. Он присел на корточки, аккуратно разгрёб пальцами мох. И точно – целая семья медово-коричневых шляпок на тонких ножках, плотно облепивших древесину. Один, два, три... Он срезал их складным ножом, укладывая в лукошко на слой папоротника. Удовольствие было тихим, глубоким, физическим.

Идиллию нарушили голоса. Громкие, пронзительные, режущие тишину на лоскуты.

– Я тебе говорю, Семён, тут уже метки стоят! Вон, смотри, ленточка на сосне!

– Какая ещё ленточка? Это кто, лес себе в частную собственность взял? Мы тут двадцать лет грибы собираем!

Тимофей вздохнул, не поднимая головы. Дачники. Homo dachnicus – особый подвид, шумный, территориальный и фанатично верящий в свои «исконные права» на любую поляну. Он надеялся пройти глубже, к старым вырубкам, где их не должно было быть, но, видимо, конфликт догнал его и здесь.

Из-за зарослей ольхи вышли они: мужчина в камуфляжной куртке и женщина в ярко-розовой ветровке, с парой эмалированных ведер в руках. Их лица были покрасневшими не от ходьбы, а от спора.

– О! – мужчина, Семён, заметил Тимофея и сразу переключился на него, как на потенциального союзника. – Человек! Вы тут местный? Скажите им, что это вообще-то лес государственный! Все могут ходить!

– Местный, – сухо подтвердил Тимофей, продолжая срезать грибы.

– Вот видишь! – торжествующе крикнула женщина. – А я тебе говорю, что с той стороны от ручья – это уже СНТ «Рассвет». Они там себе участки понарезали, теперь и лес к себе тянут. Вон, их председатель, Лютиков, всё лоббирует, чтобы эту делянку под застройку отдали. Под какие-то «коттеджи для элиты». А наши-то дачи снесут, говорят.

Имя «Лютиков» прозвучало в воздухе с неприятной, звенящей ноткой. Тимофей его слышал – в разговорах у лавки, в обрывках новостей по местному радио. Анатолий Лютиков. Влиятельный человек, член какой-то комиссии, девелопер с аппетитом. Конфликт вокруг этого леса тлел уже не первый год: одни хотели сохранить его как заповедную зону, другие – «развивать», строить. Тимофей старательно игнорировал эту суету. Лес был выше этого. Он переживёт и дачников, и девелоперов.

– Мне всё равно, – отрезал он, наконец вставая. Его лукошко уже было наполовину полным. – Собирайте грибы, пока они есть. Или спорьте дальше. Только тише. Вы распугиваете не только зверей.

– Да мы-то что... – начала женщина, но Тимофей уже повернулся и зашагал прочь, вглубь чащи, оставив их со своим спором.

Он шёл быстрее, желая отмежеваться от этого взрывоопасного человеческого кипения. «Ленточки на деревьях... Застройка... Лютиков». Слова висели в голове назойливым комаром. Он отмахнулся от них, сосредоточившись на земле. Вот семейство сыроежек, вот несколько боровиков, уже не молодых, но ещё крепких. Лес щедро вознаграждал за настойчивость и молчаливость.

Он вышел на старую вырубку, залитую теперь косым утренним солнцем. Пни, поросшие мхом и опятами, стояли, как древние мегалиты. Здесь было совершенно тихо. Он присел на один из пней, давая ногам отдых, и закрыл глаза, вдыхая покой. Конфликт там, за спиной, казался теперь чем-то мелким и несущественным, шумом муравейника, доносящимся из-за холма.

Он не знал, что один из главных «муравьёв» этого конфликта, сам Анатолий Лютиков, лежал сейчас неподалёку, холодный и бездыханный. И что очень скоро тлеющий спор за землю превратится в личную, смертельную угрозу для него, Тимофея Корнеева, который просто хотел, чтобы его оставили в покое с его грибами и книгами.

Он открыл глаза, потянулся к следующей грибной семейке. Его лукошко становилось тяжелее. Ещё час, и можно будет возвращаться к тишине лавки, к чаю и старому фолианту, где злодеи пользовались хотя бы эстетичными ядами вроде аква тофаны, а не подбрасывали друг другу трупы в корзинки для грибов.

Мысль была ироничной, отстранённой. Чистая игра ума. Он ещё не догадывался, насколько буквальной окажется эта метафора.

Глава 3. Не тот опёнок

Обратная дорога всегда короче. Лукошко, туго набитое грибами, приятно оттягивало руку, а в мышцах ног приятно ныло от долгой ходьбы. Это была хорошая, честная усталость, заслуженная трудом и тишиной. Последние лучи солнца, пробиваясь сквозь редкую листву, золотили крыши домов на окраине. Тимофей шагал по знакомой тропинке, уже предвкушая ритуал: разбор добычи, сортировка, чистка. Часть – на засолку, часть – на сушку. Вечер за книгой, чайник на плите. Идеальный финал идеального дня.

Он вошёл в лавку, щёлкнул выключателем. Тёплый свет лампы упал на груды книг, на старый прилавок. Запах бумаги и покоя, как стена, отделил его от внешнего мира. Он поставил лукошко на стол, с наслаждением потянулся, хрустнув позвонками.

Приступил к разбору методично, почти с хирургической точностью. Опята – в одну миску, боровики – в другую, сыроежки – в третью. Руки двигались автоматически, отсекая ножки, счищая прилипшие хвоинки. Мысли уже уплывали к вечернему чтению.

И тут его пальцы наткнулись на что-то не то.

Не упругое, не податливое. Холодное, плотное, обтянутое тканью.

Он замер, рука застыла в лукошке. Медленно, будто в замедленной съёмке, он раздвинул слой грибов и папоротника.

Сначала он увидел пуговицу. Крупную, тёмную, от дорогого пальто. Потом – манжету рубашки из плотной, качественной ткани. И наконец – кисть руки. Мужскую, холеную, с коротко подстриженными ногтями. Но совершенно бескровную, восково-бледную.

Ледяная волна прокатилась от макушки до пят. Время остановилось. Звуки – тиканье старых часов на стене, гул холодильника – отступили, утонув в оглушительном гуле в собственных ушах.

Он не дышал. Мозг, отключившийся на долю секунды, включился снова с резким, болезненным щелчком, перейдя в режим холодной, безэмоциональной логики.

Наблюдение: В лукошке лежит человеческая рука, принадлежащая, судя по одежде, мужчине небедному и немолодому.

Вывод: под грибами находится тело. Целиком.

Следующий логический шаг: не трогать. Не паниковать. Сохранить место преступления... какое место преступления? Лавка? Лес? Лукошко?

Действие: Позвонить. Кому?

Вот тут логика дала сбой, наткнувшись на стену абсурда. В 112? И сказать что? «Здравствуйте, у меня в корзинке для грибов труп»? Участковому? Булькину? Тому самому самодовольному родственнику, который вчера с апломбом рассуждал о краже велосипедов? Мысль о том, что придётся объяснять это Булькину, вызвала приступ почти физической тошноты.

Он медленно, очень медленно отнял руку от лукошка, будто от раскалённого металла. Отошёл на шаг. Потом на другой. Прислонился к стеллажу, чувствуя, как дрожь, сдерживаемая волей, начинает пробиваться наружу, мелкой дрожью в кончиках пальцев.

Его взгляд упал на раскрытую книгу на прилавке – тот самый сборник о викторианских ядах. Ирония ситуации ударила его с такой силой, что он чуть не выдавил из себя короткий, хриплый звук, не то смех, не то стон. Петрович с его глупыми теориями. Он, Тимофей, с его лекцией о контексте. А контекст оказался вот таким – гротескным, вонючим и подброшенным прямо в его святая святых, в его корзинку.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь вернуть контроль. Эмоции – враг. Паника – тупик. Нужно действовать по алгоритму.

Он подошёл к телефону – старому, проводному аппарату на стене. Поднял трубку. Палец замер над крутящимся диском.

«Кому?»

В голове пронеслись лица: Булькин, его тупая уверенность; дачники с их спорами о Лютикове; безликие голоса из городской администрации. Ни одно из них не сулило понимания, только бесконечные вопросы, подозрения и вторжение в его единственное безопасное пространство.

Но выбора не было. Это был труп. Его лукошко. Его лавка.

Он набрал первый номер – «02». Старый рефлекс из детства. Пока диск с щелчком возвращался на место, он смотрел на лукошко, стоявшее посреди стола, такое невинное и уютное

с его грузом осенних даров. Из-под опять выглядывал тот самый «не тот опёнок» – бледный, холодный, смертельный.

«Да, – произнёс он ровным, чуть чужим голосом в трубку, когда на том конце взяли. – Милиция. Произошло... обнаружение. Трупа. Да, по адресу...»

Он назвал адрес, чувствуя, как произносит приговор самому себе, своему тихому, упорядоченному миру. Миру, который только что треснул, как тонкий лёд под ногой, и теперь неумолимо затягивал его в ледяную, мутную воду.

Глава 4. Участковый Булькин. Теория несчастного случая

Машина приехала быстро, с противным визгом тормозов, нарушив вечернюю тишину переулка. Это был не «чёрный воронок» и не карета скорой помощи, а потрёпанная «Волга» грязно-бежевого цвета с криво прикрученной мигалкой на крыше. Из неё вылез, потягиваясь, участковый уполномоченный Булькин.

Тимофей знал его в лицо. Весь городок знал. Человек с лицом заплывшего от постоянного недовольства бульдога и философией, сводившейся к принципу «меньше писанины – спокойнее жизнь». Сейчас на этом лице читалась не столько озабоченность, сколько раздражение от прерванного ужина.

Булькин, не торопясь, застегнул расстёгнутую шинель, бросил взгляд на вывеску «Старый переплёт», фыркнул и зашагал к открытой двери.

– Ну, где тут у вас... – начал он, переступая порог, и замолчал.

Его взгляд упал на лукошко, стоявшее посреди стола под ярким светом лампы, как экспонат в музее ужасов. Из-под слоя грибов теперь отчётливо виднелась бледная щека, тёмные волосы, уголок рта. Булькин побледнел, но не от ужаса, а от нахлынувшей досады. Он тяжело вздохнул.

– Корнеев, да? Букинист. – Он подошёл ближе, не глядя на Тимофея, уставился на содержимое корзинки. – И что это, по-твоему?

– Труп мужчины, – ровно ответил Тимофей, стоя у стеллажа, скрестив руки на груди. – Средних лет, одет дорого. Подброшен в моё лукошко между 11:30, когда я ушёл в лес, и 16:00, когда вернулся.

– Никто тебя не спрашивал про время, Шерлок Холмс, – отрезал Булькин, наконец бросив на него раздражённый взгляд. – Ты его трогал?

– Обнаружил. Отодвинул грибы для идентификации. Больше не трогал.

– Идиот. Испортил... – Булькин махнул рукой, не закончив мысль. Он достал из кармана потрёпанный блокнот и карандаш с обкусанным концом. – Ладно. Фамилия твоя мне известна. Рассказывай, где нашёл.

– Я уже сказал. Не нашёл. Обнаружил здесь, при разборе грибов.

– То есть, по-твоему, кто-то взял, залез в твою лавку и подкинул? – Булькин усмехнулся, записывая что-то каракулями. – Очень удобная версия. А по-моему, всё проще.

Он подошёл вплотную к столу и, к ужасу Тимофея, ткнул карандашом в грибы рядом с лицом покойного.

– Смотри. Грибы. Ты – грибник. Он – тоже, наверное, пошёл, да? Собрал что-то не то, отравился. Бредущий, в забытии, зашёл в первую открытую дверь – в твою. И рухнул. А ты его в корзину и запихнул, чтоб не валялся.

Абсурдность теории была настолько оглушительной, что Тимофей на секунду потерял дар речи. Его мозг, всё ещё работавший в режиме холодного анализа, выдал ряд несоответствий:

Одежда покойного чистая, без следов падения в лесную грязь.

Поза тела в тесной корзине была неестественно скрюченной, как у вещи, а не у упавшего человека.

Запах. От тела не пахло потом, землёй или грибами. Пахло... хлоркой? Или чем-то химическим.

– Это физически невозможно, – наконец выдавил он, и в его голосе впервые прозвучали стальные нотки. – Во-первых, дверь была заперта. Во-вторых, человек в состоянии агонии от отравления бледной поганкой не способен на целенаправленное движение через весь город. В-третьих, посмотрите на его обувь.

Булькин, нахмурившись, наклонился. На дорогом кожаном ботинке виднелись комья засохшей лесной глины, но сверху, на носке, прилипло маленькое, колючее семечко какого-то растения.

– И что? Лес, везде всякая дрянь.

– Это не лесной репейник, – тихо, но чётко сказал Тимофей. Его взгляд стал острым, как его грибной нож. – Это *Arctium lappa*, лопух большой. Но конкретно этот подвид с такими мелкими семенами и формой крючков... Он растёт в палисадниках, как декоративный. В диком лесу его нет. Значит, тело побывало не только в лесу, но и в чём-то ухоженном саду. Или его перевозили через такой сад.

Булькин выпрямился, и его лицо исказила гримаса злобы. Его простую, удобную теорию кто-то пытался разрушить сложными умствованиями.

– Ты мне тут ботанику не читай, Корнеев! – он ткнул карандашом в его сторону. – Я вижу: грибы, грибник, труп. Всё сходится. Несчастный случай. Отравился сам. А ты, значит, панику навёл. Завтра приедет бригада, заберут, оформят. А ты пока – главный свидетель. И подозреваемый, между прочим, – добавил он с неприятным удовлетворением. – Потому как это твоя корзина и твоя лавка. Так что не умничай.

Он ещё что-то пробурчал в блокнот, потом достал из машины потрёпанный фотоаппарат и сделал несколько небрежных снимков, больше для галочки.

Тимофей молча наблюдал, чувствуя, как холодная ярость начинает замещать первоначальный шок. Это была не просто некомпетентность. Это было активное, злобное стремление

не видеть. Замазать, закрыть, списать. И в центре этого абсурда оказался он, Тимофей, со своей любовью к порядку и фактам.

Когда Булькин, наконец, собрался уходить, бросив на стол «Не трогать до утра!», Тимофей не выдержал.

– Участковый, – сказал он ледяным тоном. – Вы забыли осмотреть замок на двери. На нём могли остаться следы взлома. Или их отсутствие подтвердит мои слова. Или опровергнет вашу теорию о «бредущем отравившемся». Но для этого нужно хотя бы попытаться работать.

Булькин обернулся на пороге. Его маленькие глазки сузились.

– Я тебе, умник, работу сейчас покажу, – прошипел он. – Сиди тут и не высовывайся. А то, глядишь, и впрямь что-нибудь найдём, что на тебя пальцем покажет.

Он хлопнул дверью, оставив Тимофея наедине с трупом в лукошке, с гневом, кипящим под ледяной коркой, и с первым, острым пониманием: правда здесь никому не нужна. А значит, если он хочет снять с себя это нелепое и опасное подозрение, рассчитывать придётся только на себя. На свою логику, свои знания и свою ненависть к глупости, которая, кажется, только что перешла в разряд смертельно опасных явлений.

Глава 5. Главный подозреваемый – я

Утро принесло не свет, а вторжение. Ещё до рассвета под окнами заурчали моторы, хлопали двери, раздавались приглушённые голоса. Тимофей, не сомкнувший глаз, сидел в кресле у потухшего камина, уставившись в одну точку. Лукошко с его зловещим содержимым стояло под белым покрывалом, как призрак, отравляющий воздух в лавке.

Первыми приехали люди в штатском – следователь и эксперт из райцентра. Они были вежливы, холодно-профессиональны и совершенно не заинтересованы. Осмотрели, сфотографировали, упаковали тело в чёрный мешок и увезли. Следователь, молодой человек с усталыми глазами, задал несколько формальных вопросов, записал ответы и, уже уходя, бросил:

– Участковый Булькин доложил свою версию. Вы, конечно, можете иметь свою. Но пока что вы – единственный, кто был на месте и чьи отпечатки на корзинке. Будьте на связи.

Это было сказано без угрозы, просто как констатация факта. Но факт этот вонзился в сознание Тимофея острее любой угрозы. Он был не просто свидетелем. Он был элементом уравнения, и этот элемент очень удобно стоял на месте «Х» – неизвестного, подозреваемого.

Когда тело увезли, наступила короткая, обманчивая тишина. А потом началось самое невыносимое.

Соседи. Они не подходили к самой лавке – её теперь обходили стороной, как зачумлённое место. Но они собирались кучками на противоположной стороне улицы, у гаражей, у колонки. Женщины с сумками, мужчины с сигаретами. Шёпот, который был слышен за полсотни метров. Взгляды. Не любопытные, а тяжёлые, колючие, осуждающие. Взгляды, которые говорили: «Мы всегда знали, что он странный. Книжки, грибы, ни с кем не водится. А теперь вот...»

Тимофей пытался игнорировать. Он попробовал заняться делом – разобрать вчерашние грибы, которые всё ещё лежали в мисках. Но руки не слушались. Он взял в руки книгу – «Спра-

вочник миколога». Строки расплывались перед глазами. Всё, что раньше было источником покоя, теперь казалось бессмысленным, оторванным от новой, чудовищной реальности.

Он вышел во двор, чтобы подышать, и сразу поймал на себе десяток глаз. Старая соседка, Мария Петровна, которая иногда покупала у него романы, быстро отвернулась и засеменила прочь. Из окна соседнего дома высунулся подросток, тут же одёрнутый матерью: «Отойди от окна! Не смотри туда!»

«Туда». В его пространство. В его жизнь.

Ярость подступила к горлу, горькая и беспомощная. Он хотел крикнуть на них, на весь этот глупый, трусливый мирок. Объяснить, что он ничего не сделал. Что он жертва абсурдной, отвратительной шутки. Но он знал – это бессмысленно. Они уже всё решили. Скандал обрёл плоть, и плоть эта была он, Тимофей Корнеев, букинист и мизантроп, идеальный козёл отпущения.

Даже воздух вокруг изменился. Раньше он чувствовал себя невидимым, прозрачным, защищённым стенами из книг и своим нежеланием общаться. Теперь он был как под микроскопом. Каждый его шаг, каждый вздох становился публичным достоянием, предметом обсуждения и осуждения.

Он вернулся в лавку, захлопнул дверь и запер её на ключ. Но замок не мог защитить от того, что просачивалось сквозь стены – от всеобщего мнения, от подозрения, которое теперь висело на нём незримой, липкой паутиной.

Он подошёл к окну, отодвинул край занавески. Напротив, у магазинчика «Всё для дома», стояли трое мужчин. Один из них что-то оживлённо рассказывал, жестикулируя в сторону лавки. Другие кивали, лица серьёзные, понимающие.

Тимофей отпустил занавеску. В груди что-то оборвалось. Это было не просто чувство несправедливости. Это было осознание полной потери контроля. Его жизнь, выстроенная с такой тщательностью, чтобы исключить любые неожиданности и чужие влияния, была взломана. В неё ворвался чужой, враждебный мир с его грязью, глупостью и готовностью поверить в самое простое и самое чудовищное.

Он был главным подозреваемым. Не в официальных бумагах – пока. Но в глазах города. И эта мысль жгла изнутри холодным, ясным пламенем бешенства. Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Тихо, почти шёпотом, он произнёс в пустоту лавки, обращаясь к невидимому противнику, к Булькину, ко всем этим осуждающим лицам за окном:

– Нет.

Одно слово. Отрицание. Отказ.

Он не собирался быть удобной пешкой в чьей-то игре. Он не позволит списать на себя это грязное дело. Если система, в лице Булькина, хочет закрыть глаза, а весь город – найти

виноватого, то он, Тимофей Корнеев, найдёт настоящего виновника сам. Логикой. Фактами. Холодным, беспощадным анализом.

Ярость начала кристаллизоваться, превращаясь из хаотичного чувства в острое, целеустремлённое намерение. Он повернулся от окна и взглянул на полки с книгами. Среди старинных фолиантов о ядах, трактатов по логике и детективных романов лежали ответы. И он собирался их найти.

Он ещё не знал, что его решимость вот-вот получит самое неожиданное и самое назойливое подкрепление в виде вихрастой оптимистки, которая уже спешила к его лавке, уверенная, что они – идеальный дуэт. Но пока он был один. Один против всех. И это состояние, как ни парадоксально, было ему знакомо и почти комфортно. По крайней мере, ярость была честнее, чем страх.

Глава 6. Солнечное вмешательство

Тимофей только начал выстраивать в голове план действий – с чего начать, кого из дачников расспросить, как проверить историю с семенем лопуха, – когда дверь в лавку с треском распахнулась.

Она ворвалась внутрь, как порыв свежего, слишком бодрящего ветра, сметая собой гнетущую атмосферу подозрений и тишины. Катя Солнцева. Он видел её пару раз – мелькала на улице с фотоаппаратом, задавала кому-то вопросы у администрации. Местная журналистка из еженедельника «Наш городок». И теперь она стояла на пороге его лавки, запыхавшаяся, с разлетающимися каштановыми вихрами и глазами, горящими таким немыслимым энтузиазмом, что Тимофею захотелось зажмуриться.

– Вы Корнеев? Тимофей Корнеев? – выпалила она, не дожидаясь ответа. – Я Катя Солнцева, «Наш городок». Я слышала, что у вас тут... ну, это самое. Труп. В лукошке!

Она произнесла это не с ужасом или сплетническим придыханием, а с каким-то почти профессиональным восторгом первооткрывателя. Тимофей молчал, глядя на неё, как на внезапно материализовавшееся стихийное бедствие.

– И знаете что? – Катя сделала шаг вперёд, не обращая внимания на его каменное лицо. – Я не верю ни единому слову из этой дурацкой версии про отравление грибами! Это же абсурд! Я видела, как Булькин уезжал – он выглядел так, будто уже всё решил. А вы... – она окинула его оценивающим взглядом, – вы же не похожи на убийцу. Вы похожи на... на сыщика! На того самого, который всё замечает! Я читала про таких. Дедукция, логика!

Тимофей почувствовал, как у него начинает дёргаться веко. Его отстроенная крепость одиночества подвергалась штурму не вражеской армией, а солнечным зайчиком, который почему-то решил, что они друзья.

– Уходите, – произнёс он ровным, лишённым всяких эмоций голосом. – У меня нет времени и желания давать интервью. И я не сыщик. Я букинист. Сейчас я закрыт.

– Но вы же главный подозреваемый! – не унималась Катя, как будто не слышала его. Она уже осматривала лавку, её взгляд скользнул по полкам с книгами по криминалистике, медицине, ботанике. – Они же на вас всё свалят! Булькин – он же родственник того Лютикова,

я проверяла! Кузен! Ему выгодно закрыть дело по-быстрому, а вы – идеальная кандидатура. Чудак-одиночка, ни с кем не общается... О, простите, – она на секунду смутилась, но тут же снова загорелась. – Но это же значит, что вам нужна помощь! У меня есть доступ к архивам, я всех тут знаю, я могу расспросить, покопаться в документах о том лесе и застройке! Мы можем работать вместе!

Слово «мы» прозвучало для Тимофея так же кощунственно, как если бы она предложила вместе искупаться в луже. Он сделал шаг к двери, намеренно открывая её пошире.

– Мисс Солнцева. Я не нуждаюсь в помощи. Особенно в такой... энергичной. Я собираюсь решить эту проблему самостоятельно, тихо и без лишнего шума. Пожалуйста, оставьте меня.

– Но вы не сможете! – она упёрла руки в боки. Её уверенность была поразительной. – Вам нужен кто-то, кто сможет поговорить с людьми. Вы же, я вижу, не из болтливых. А я – могу. Я – ваш доктор Ватсон!

Тимофей закрыл глаза на секунду, молясь всем богам разума о терпении.

– Вы не мой доктор Ватсон. Я не Шерлок Холмс. Это не детективный роман. Это реальность, в которой мне подбросили труп, и теперь я, скорее всего, буду арестован по надуманному обвинению, если не найду, кто это сделал. И последнее, что мне нужно, – это... – он запнулся, подбирая слово, достаточно мягкое, но ёмкое, – это... компаньон.

– Напарник! – тут же подхватила Катя, сияя. – Видите, вы уже почти согласились!

Это было как пытаться остановить лавину, разговаривая с ней. Тимофей почувствовал, как теряет почву под ногами. Его обычные методы – холодность, сарказм, молчание – на этом человеческом урагане не работали. Она просто не воспринимала отказ.

– Я предлагаю сделку, – сказала она вдруг, понизив голос и став на секунду серьёзной. – Вы даёте мне эксклюзив. Историю изнутри. А я помогаю вам с информацией. Первый обмен прямо сейчас: я узнала, что Лютиков вёл переговоры о продаже того участка леса некому Виктору Сомову, бизнесмену из города. Сумма была огромная. Но за неделю до смерти Лютиков внезапно затормозил сделку. Задумался о «моральной стороне». Странно, да?

Информация была... ценной. Чёрт возьми. Она ударила прямо в цель его собственных неоформленных мыслей о мотиве. Тимофей нахмурился, машинально анализируя данные: бизнес, большие деньги, внезапные угрызения совести – классический мотив для устранения проблемы.

Он посмотрел на Катю. На её открытое, ожидающее лицо. На её дурацкие вихры, выбивающиеся из-под повязки. Она была живым воплощением всего, чего он избегал: шума, навязчивости, эмоциональной вовлечённости.

– Это ничего не доказывает, – пробормотал он, отводя взгляд.

– Но это направление! – не сдавалась она. – Куда лучше, чем сидеть тут и злиться на Булькина. Давайте я хоть помогу составить список? У кого мог быть мотив? Дачники, экологи, бизнесмены...

Она уже достала из рюкзака блокнот и ручку, готовая начать строчить. Тимофей понял, что проигрывает. Изгнать её силой он не мог. Игнорировать – не получалось. А информация, которую она принесла, была первым лучом света в этом тупике.

Он тяжело вздохнул, звук вышел похожим на стон загнанного зверя.

– Хорошо, – сказал он сквозь зубы. – Составьте ваш список. Тихо. И без этого... – он махнул рукой, пытаясь описать её всю, – без этого энтузиазма. Это расследование, а не пикник.

Катя замерла, а потом её лицо озарила такая ослепительная, победоносная улыбка, что Тимофею снова захотелось зажмуриться.

– Отлично! – прошептала она, как заговорщица. – Я начинаю. Пункт первый: дачники из СНТ «Рассвет», которые ненавидят Лютикова за угрозу сноса. Пункт второй...

Тимофей отвернулся, подошёл к окну и снова отодвинул занавеску. Напротив всё ещё стояли зеваки. Но теперь, глядя на них, он чувствовал не только ярость, но и странное, новое ощущение. Он был не совсем один. К нему прицепилось что-то шумное, солнечное и совершенно невыносимое. И, к его величайшему удивлению и ужасу, в этом был какой-то проклятый, абсурдный смысл. Война была объявлена, и у него появился... союзник. Как бы он ни сопротивлялся этому факту.

Глава 7. Неравный союз

Тимофей стоял, глядя, как Катя с невероятной скоростью строчит в своём блокноте, изредка что-то зачёркивая и что-то подчёркивая. Она заполнила уже полстраницы. Он молчал, наблюдая за этим процессом, как учёный наблюдает за необъяснимым природным явлением.

– ...и ещё есть местный аптекарь, брат той женщины, которая погибла год назад, жена Лютикова, – бормотала она себе под нос. – Говорят, он её очень любил и винил во всём Лютикова. Но это, наверное, слишком давно...

– Остановитесь, – наконец сказал Тимофей. Его голос прозвучал в тишине лавки, как удар гонга.

Катя вздрогнула и подняла на него глаза.

– Вы составляете список подозреваемых, исходя из слухов и личных антипатий, – произнёс он, подходя к столу. – Это неэффективно. Нам нужна система. Исходная точка – не «кто мог хотеть его смерти», а «зачем было убивать именно так».

– Как «именно так»? – Катя наклонила голову набок.

– Тело было подброшено. В моё лукошко. В лесной массив, где я его нашёл. Это не спонтанное убийство в порыве страсти. Это продуманная акция с целью сокрытия или с целью

обвинения другого. Меня. – Он произнёс это без эмоций, как констатацию факта. – Следовательно, убийца либо хотел замести следы, сделав вид, что смерть произошла в лесу по естественным причинам, либо сразу хотел создать конкретного подозреваемого. Меня.

Катя задумалась, её брови сдвинулись. Тимофей с некоторым удивлением отметил, что она способна не только на энтузиазм, но и на концентрацию.

– То есть, – медленно сказала она, – если бы они просто хотели скрыть убийство, они бы спрятали тело получше. В болоте, например. А они его... выставили. Пусть и в лесу. Значит, им было важно, чтобы его нашли. И чтобы нашли именно вы.

– Верно, – кивнул Тимофей, и в его голосе впервые прозвучало что-то вроде одобрения. Мимоходом. – Следовательно, у убийцы был личный интерес в том, чтобы отвести подозрения от себя, направив их на меня. Почему я? Потому что я одиночка. Потому что у меня есть знания о ядах, что может навести на мысль об отравлении. Потому что я был в том лесу в нужное время. Меня выбрали не случайно. Меня выбрали как идеальную мишень.

Он замолчал, давая ей переварить информацию. Катя смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в них читался неподдельный, почти благоговейный восторг.

– Вы это только что... вывели? Прямо сейчас? – прошептала она.

Тимофей проигнорировал вопрос.

– Теперь вернёмся к мотиву убийства самого Лютикова. Вы упомянули бизнесмена Сомова и сделку. Это сильный финансовый мотив. Но есть и другие. Конфликт вокруг леса порождает две основные группы: тех, кто хочет строить (Сомов и, возможно, другие чиновники), и тех, кто против (дачники, экологи). Смерть Лютикова, который внезапно «задумался», могла быть выгодна обеим сторонам. Первым – чтобы убрать препятствие для сделки. Вторым – как акт мести или предупреждения другим.

– Или, – оживилась Катя, – это мог быть кто-то из его личной жизни! Та самая новая пассия, о которой ходят слухи! Или её муж! Или тот самый «колдун» Станислав из СНТ, которого Лютиков высмеивал! Я слышала, он угрожал ему «проклятием леса»!

Тимофей снова почувствовал лёгкое раздражение. Она снова скатывалась в область слухов и эмоций. Но на этот раз он подавил его.

– «Проклятия леса» не оставляют семян декоративного лопуха на ботинках, – сухо заметил он. – Но личный мотив тоже возможен. Однако метод убийства – отравление, судя по версии Булькина о грибах, или иное, но с последующей инсценировкой в лесу – указывает на расчёт, а не на аффект. Личная месть обычно более... непосредственна.

Катя задумчиво покусывала кончик ручки.

– Значит, нам нужно проверить всё: и бизнес, и конфликт за землю, и личную жизнь. Но с чего начать? Булькин нам не поможет, он уже всё решил.

– Начнём с того, к чему у вас есть доступ, – сказал Тимофей, скрепя сердце принимая неизбежность этого «нам». – Архивы. Газетные вырезки за последний год, особенно о смерти

жены Лютикова, о начале конфликта вокруг леса, о всех заседаниях и решениях. Всё, что связано с его именем. И официальные списки членов дачных кооперативов, инициативных групп.

– Сделаю! – Катя тут же сделала пометку в блокноте. – А вы?

– Я займусь тем, что умею, – тихо ответил Тимофей. – Анализ. Я восстановлю маршрут свой и возможный маршрут убийцы. Попробую понять, откуда взялось то семя на ботинке. И мне нужно поговорить с теми дачниками, которых я встретил в лесу. Они упоминали Лютикова. Возможно, видели что-то.

– Но они же вас не будут слушать! – воскликнула Катя. – Они вас боятся или считают убийцей! А я... я могу с ними поговорить. Как журналистка. Спросить про конфликт, про Лютикова. Ненароком.

Она снова была права. Чёрт бы её побрал. Мысль о том, что ему придётся полагаться на её умение «разговорить», была горькой пилюлей. Но альтернатива – его ледяное молчание, наталкивающееся на стену страха и недоверия, – была ещё хуже.

Он кивнул, коротко и неохотно.

– Хорошо. Вы берёте дачников и архивы. Я – анализ места и... другие детали. Встречаемся завтра здесь. В это же время. Тихо. Без лишнего шума.

– Договорились! – Катя захлопнула блокнот и вскочила. Её лицо сияло от важности миссии. – О, это будет потрясающе! Настоящее расследование! Я принесу всё, что найду!

Она уже рванула к двери, но на пороге обернулась.

– И, Тимофей... – она вдруг стала серьёзной. – Спасибо. За то, что не выгнали окончательно. Мы найдём того, кто это сделал. Я уверена.

И прежде, чем он успел что-то ответить – а он и не знал, что можно ответить на такую слепую, глупую уверенность, – она выскользнула за дверь, оставив после себя лёгкий шлейф какого-то цветочного аромата и ощущение, что в лавке внезапно стало темнее и тише.

Тимофей остался один. Но одиночество теперь было другим. Оно больше не было полным. Оно было нарушено. В его упорядоченный мир вписался хаотичный, шумный элемент по имени Катя Солнцева. Он вздохнул, подошёл к полке и взял ботанический атлас. Нужно было определить то самое растение.

Он всё ещё был уверен, что это кошмар. Но теперь это был кошмар, в котором у него появился... партнёр. Неравный, раздражающий, но, как ни странно, полезный. И пока он листал страницы с иллюстрациями, в глубине сознания шевельнулась мысль, которую он тут же отогнал: её вера в него была такой же необъяснимой и неудобной, как и всё остальное в ней. И, возможно, так же опасной.

Глава 8. Мотив номер один: лес

На следующий день Катя явилась, как и обещала, ровно в десять. На этот раз она не врывалась с треском, а почтительно постучала, прежде чем войти. В руках у неё была увесистая папка с бумагами и сияющее от важности лицо.

– Я принесла! – объявила она шёпотом, как будто в лавке могли быть жучки. – И кое-что уже узнала.

Тимофей, сидевший за столом с раскрытым ботаническим атласом и увеличительным стеклом, лишь кивнул, указывая на стул. Он провёл бессонную ночь, сопоставляя факты, и его собственные выводы тоже требовали проверки.

Катя разложила на столе бумаги. Это были копии протоколов заседаний городской думы, вырезки из газет, распечатанные страницы из муниципального архива.

– Вот, – она ткнула пальцем в одну из вырезок. – Начало истории. Два года назад компания «Сомов и Партнёры» подала заявку на выкуп участка леса у ручья под «комплексное элитное жилищное строительство». Главный лоббист в администрации – Анатолий Лютиков. Он же был председателем комиссии по земельным вопросам.

Тимофей взял листок. Сухой бюрократический язык, но суть ясна: чиновник активно проталкивал выгодную бизнесмену сделку.

– Дальше, – продолжила Катя, листая страницы, – начинается сопротивление. Сначала дачники из «Рассвета» – их участки попадают под снос. Потом подключаются экологи – там редкие виды мхов, по-моему, или жуков. И вот тут появляется он.

Она положила на стол фотографию, вырезанную из газеты. На снимке был мужчина лет сорока, с густой бородой, в кожаном жилете поверх футболки с черепом. Он стоял перед бульдозером, скрестив руки на груди. Подпись: «Активист движения «Зелёный дозор» Игорь Малышев (Ёж) блокирует технику на подъезде к заповедной зоне».

– Ёж, – сказала Катя. – Лидер местных байкеров и главный борец против застройки. Организовывал пикеты, писал петиции, даже, говорят, угрожал Лютикову лично. У него железное алиби на день убийства – он был на мотосборе в трёхстах километрах отсюда, это подтверждают десятки людей. Но... – она сделала драматическую паузу, – его люди могли действовать без него.

Тимофей внимательно изучил фотографию. Лицо у Ёжа было решительное, даже суровое, но в глазах читался не фанатизм, а скорее усталое упрямство. Человек, привыкший биться лбом о стену.

– Угрозы – это эмоции, – заметил Тимофей. – А убийство было спланированным. Но мотив у этой группы, безусловно, один из сильнейших. Лес для них – не просто участок. Это принцип. А принципами иногда оправдывают многое. Что ещё в папке?

– Сметы, предварительные договоры, – Катя пролистала несколько страниц. – Суммы огромные. И вот самое интересное: три недели назад Лютиков внёс в комиссию предложение отложить рассмотрение вопроса «для дополнительного изучения экологической экспертизы». Это был фактический саботаж сделки. Сомов, судя по слухам, был в ярости.

– Значит, Лютиков стал проблемой для обеих сторон, – заключил Тимофей, откидываясь на спинку стула. – Для Сомова – потому что тормозил деньги. Для радикальных экологов – потому что был символом врага, и его внезапные «угрызения совести» могли быть восприняты как лицемерие или тактический ход. Убийство могло быть попыткой либо заставить дело сдвинуться с мёртвой точки в пользу застройки, либо, наоборот, стать актом возмездия «предателю».

– Запутанно, – вздохнула Катя. – Но нам нужно с кем-то поговорить. С дачниками я уже договорилась – заеду к ним сегодня под видом сбора мнений для статьи о конфликте. А вот Ёж... К нему просто так не подойдёшь. Он не любит журналистов и тем более незнакомцев.

Тимофей подумал. Его первым побуждением было оставить эту часть Кате – она умела говорить с людьми. Но что-то подсказывало, что с такими, как Ёж, нужен другой подход. Не болтовня, а факты. И возможно, взаимное признание в нелюбви к болтовне.

– Я поговорю с ним, – неожиданно для себя сказал он.

Катя удивлённо подняла брови.

– Вы? Но вы же... – она запнулась, подбирая слова.

– Я не буду с ним «разговаривать» в вашем понимании, – пояснил Тимофей. – Я представлю факты. Спрошу о деталях, которые знаю только я или тот, кто был в лесу. Посмотрю на его реакцию. А вы будете наблюдать. Со стороны. Ваша задача – отметить, соврал ли он в чём-то, или, наоборот, проявит неожиданные знания.

Катя смотрела на него с возрастающим восхищением.

– Это... это гениально. Настоящая дедукция в поле! Хорошо, я буду где-нибудь неподалёку, с фотоаппаратом, как будто снимаю репортаж о байкерах.

– Только без лишнего энтузиазма, – предупредил Тимофей. – Это не игра.

– Без энтузиазма, – кивнула она, стараясь придать лицу серьёзное выражение, что у неё вышло довольно комично.

Час спустя они стояли на окраине городка, где асфальт заканчивался и начиналась грунтовка, ведущая к старой заброшенной заправке. Теперь это была стоянка байкеров. Несколько мотоциклов, покрытых брезентом, дымок от костра, палатка. Рядом с костром сидел тот самый человек с фотографии – Ёж. Он чистил картошку большим ножом, движения были точными и экономными.

Тимофей оставил Катю у придорожного столба с её фотоаппаратом и направился к костру. Он шёл медленно, не скрывая своего приближения. Ёж поднял на него взгляд, но не перестал чистить картошку. Его глаза были внимательными, оценивающими.

– Корнеев, – сказал Тимофей, останавливаясь в трёх шагах. – Букинист. Тот, кому подбросили Лютикова.

Ёж кивнул, одним движением скинув кожуру с картофелины в огонь.

– Слышал. Булькин дурак, версию гонит дурацкую. Но ты-то зачем пришёл? Оправдываться?

– Нет, – ответил Тимофей. – Искать. Вы знали Лютикова. Конфликтовали с ним. Я хочу знать, видели ли вы его или кого-то из его круга в лесу у ручья в прошлую среду, с утра до обеда.

Ёж на секунду задумался, потом отрицательно мотнул головой.

– В среду меня тут не было. Мои ребята – тоже. У нас сбор был. А Лютиков... он в лес на своих колёсах не ездил. Брезговал. Боялся испачкать ботинки. – В его голосе прозвучало презрение.

– А его машину? Чёрный внедорожник? – настаивал Тимофей.

– Не видел. – Ёж бросил очищенную картошку в котелок. – А тебе зачем? Думаешь, мы его пришили?

– Я думаю, что убийство было расчётливым. Тело подбросили, чтобы замести следы и обвинить меня. Тот, кто это сделал, знал лес и знал мои привычки. И, возможно, хотел, чтобы конфликт вокруг застройки получил новую, кровавую пикантность. Что выгодно тем, кто хочет либо протолкнуть стройку, используя смерть как аргумент «за» порядок, либо, наоборот, навсегда её похоронить, сделав Лютикова мучеником.

Ёж внимательно посмотрел на него. В его глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

– Умно говоришь. Не похож на того, кого описали в городе. – Он помолчал. – Лес я знаю. И твои тропки – тоже. Но я бы так не стал. Мы боремся открыто. А это... подло. И глупо – подбрасывать тебе. Ты же не сопляк, вижу. Докопаешься.

Это была не лесть, а констатация. Тимофей кивнул.

– Ещё вопрос. Знаете ли вы кого-нибудь, кто разбирается в грибах так же хорошо, как в моторах? Особенно в ядовитых.

Ёж нахмурился.

– Грибы? Зачем?.. А, эта дурацкая версия про отравление. – Он усмехнулся. – Да, знаю. Половина дачников. И... – он запнулся, – и участковый твой, Булькин. Он вырос в деревне, дед его грибником был знатным. Говорят, и сам в детстве всё по лесам шлялся. Но это так, слухи.

Информация ударила, как током. Булькин. Родственник погибшего. Знаток грибов. Человек, который так рьяно продвигал версию о «несчастном случае с грибами». Тимофей почувствовал, как шестерёнки в голове начали сходить с тихим, зловещим щелчком.

– Спасибо, – сказал он коротко. – Это было полезно.

– И тебе спасибо, – неожиданно ответил Ёж. – Если найдёшь того, кто это сделал, и это окажется не ты – дай знать. Мы своё тогда предъявим. Лес никому не отдадим.

Тимофей кивнул и повернулся, чтобы уйти. Он чувствовал на себе взгляд Кати, полный ожидания. У них появилась первая зацепка. Неясная, призрачная, но зацепка. И она вела не к экологическим активистам, а обратно, к тем, кто должен был расследовать это дело. К Булькину.

Мотив номер один – лес – был могуч. Но теперь появился мотив номер два: личная выгода и сокрытие, прикрытые мундиром участкового. И это было куда страшнее.

Глава 9. Визит к «ежам»

Грунтовка вилась между зарослями лопуха и крапивы, упираясь в ржавые останцы заброшенной АЗС. Запах бензина давно выветрился, сменившись ароматом дыма, жареной картошки и машинного масла. Катя шла за Тимофеем в двух шагах, стараясь не отставать и одновременно оглядываясь по сторонам с видом репортёра на опасном задании.

– Ты уверен, что нам просто подойти? – прошептала она. – Они же могут... ну, не понять.

– Они уже видят нас, – ровно ответил Тимофей, не оборачиваясь. – Лучшая тактика – прямота. У нас нет времени на манёвры.

У костра, кроме Ёжа, сидели ещё двое: молодой парень с ирокезом и девушка с татуировкой дракона на руке. Они замолчали, увидев приближающихся незнакомцев. Ёж, как и в прошлый раз, не прекращал своего занятия – на этот раз он нанизывал куски мяса на шампуры.

– Опять ты, – произнёс он, не глядя. – И привёл подружку. Пресса?

– Журналистка Катя Солнцева, – представилась Катя, стараясь звучать уверенно. – Мы расследуем смерть Лютикова.

– «Мы», – усмехнулся парень с ирокезом. – Значит, ты и правда с ним в одной упряжке, книжный? А то болтали, что ты сам его и пришил.

Тимофей проигнорировал провокацию. Его взгляд был прикован к Ёжу.

– В прошлый раз вы сказали про алиби. Мотосбор. Это можно проверить?

Ёж наконец поднял глаза. В них читалось не раздражение, а скорее усталое любопытство.

– Прямой, я смотрю. Хорошо. – Он кивнул девушке с татуировкой. – Лиса, дай ему тот постер.

Девушка полезла в палатку и вынесла смятый рекламный постер. «Межрегиональный мотосбор «Стальные крылья». Даты: как раз середина прошлой недели. Место – за триста километров. На постере были групповые фотографии, и на одной из них, в толпе, угадывалось бородатое лицо Ёжа.

– Там человек пятьсот было, – сказал Ёж. – Все меня видели. Весь сбор. Приехал в четверг утром, уехал в воскресенье. Спроси кого хочешь.

Алиби было, как он и говорил, железным. Тимофей мысленно вычёркивал его из списка непосредственных исполнителей. Но не из списка тех, кто мог быть заказчиком или вдохновителем.

– Спасибо, – кивнул Тимофей, возвращая постер. – Тогда другой вопрос. Кто, кроме вас, был так же сильно заинтересован в том, чтобы остановить Лютикова? Кто мог перейти от слов к делу?

Парень с ирокезом фыркнул:

– Да все, кого он этой своей стройкой достал! Пол посёлка!

– Но не все были готовы убивать, – парировал Тимофей. – Кто был самым... радикальным? Кто говорил громче всех?

Ёж и его товарищи переглянулись. В воздухе повисло неловкое молчание.

– Был один, – наконец сказала Лиса, поправляя косуху. – Станислав. С дачного «Рассвета». Колдун, или как он там себя называет.

– Колдун? – не удержалась Катя.

– Ну да, – фыркнул парень с ирокезом. – Травки всякие собирает, воду «заряжает», духам леса молится. Лютиков его при всех высмеивал, называл шарлатаном и обещал выгнать с участка первым. Станислав после этого вёл себя... странно. Не кричал, нет. Он тихо так говорил, что «лес отомстит», что «земля не простит осквернителей». Жутковатый тип.

– И он разбирается в грибах? – спросил Тимофей, вспоминая семя на ботинке и возможное отравление.

– В травах он разбирается, – ответил Ёж, наконец отложив шампур. – Говорят, у него целая оранжерея дома. И полынь всякая ядовитая растёт. А грибы... Не знаю. Но если травы знает, то и грибы, наверное, отличит.

Это была зацепка. Не такая прямая, как Булькин, но важная. Человек с мотивом (месть за унижение, угроза выселения), со знаниями в области ядовитых растений, с возможным доступом к телу через дачный массив.

– Где его можно найти? – спросила Катя, уже доставая блокнот.

– На его участке в «Рассвете», – сказала Лиса. – Самый дальний, у самого леса. Дом синий, забор высокий, и на воротах... знак какой-то нарисован. Солнце с ветками.

Тимофей кивнул. Информация была получена.

– Ещё один момент, – сказал он, прежде чем уйти. – В день, когда нашли тело, в лесу были дачники. Мужчина и женщина, спорили о ленточках на деревьях и о Лютикове. Вы их знаете? Ёж пожал плечами.

– Звучит как Семён и Галина с шестого участка. Они вечно всем недовольны. Но убить... сомневаюсь. У них пороку не хватит. Больше на жалобы способны.

Они поблагодарили и пошли обратно по грунтовке. Катя шла рядом, полная впечатлений.

– Станислав-колдун! – воскликнула она, когда они отошли на безопасное расстояние. – Это же идеальный подозреваемый! Мистик, травник, его унизили...

– Слишком идеальный, – мрачно заметил Тимофей. – И слишком очевидный. Если бы он хотел отомстить, разве стал бы подбрасывать тело мне, а не оставил бы его на пороге администрации или у себя на участке как «проклятие»? Нет. Это не его почерк. Его угрозы были театральными, рассчитанными на публику. Это убийство – тихое, практичное, с попыткой свалить на другого.

– Но он же мог симитировать! – не сдавалась Катя.

– Возможно. Поэтому мы его проверим. Но моё внимание сейчас больше привлекает другое, – Тимофей замедлил шаг. – Ёж подтвердил: Булькин знает грибы. И он – родственник. И он – первый, кто начал продвигать версию, удобную для сокрытия настоящего способа убийства. Это уже не совпадение. Это система.

Катя задумалась, и её лицо стало серьёзным.

– То есть, мы идём к колдуну, но главная цель – участковый?

– Мы идём везде, где есть информация, – поправил её Тимофей. – Но да, Булькин теперь переместился в верхнюю часть списка. Только доказывать это будет сложнее всего. Он в мундире.

Они вышли на асфальт. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени. Тимофей чувствовал странную смесь усталости и азарта. Расследование, против его воли, захватывало его. Это была сложная головоломка, где каждая деталь – семя, слух, алиби – должна была встать на своё место.

– Завтра, – сказал он, – вы едете к дачникам, Семёну и Галине. Узнайте всё, что они видели или слышали. А я найду способ поговорить со Станиславом.

– А как? – спросила Катя. – Он же, наверное, не любит гостей.

Тимофей посмотрел на лес, темнеющий на горизонте.

– Скажу, что интересуюсь редкими видами лесных мхов для своей коллекции. Это будет правдой. Отчасти.

В уголке его рта дрогнуло что-то вроде намёка на улыбку. Очень слабой и очень мимолётной. Катя заметила это и просияла, но на этот раз промолчала. Она начинала понимать: её угрюмый букинист не просто логическая машина. Он входил во вкус охоты. И, возможно, это было даже страшнее, чем если бы он оставался просто жертвой.

Глава 10. Мистификатор из СНТ «Рассвет»

СНТ «Рассвет» встретило их гнетущей тишиной воскресного дня. Дачи здесь были разномастные: ухоженные коттеджики соседствовали с покосившимися времянками. Чем дальше от въезда, тем чаще попадались заброшенные участки, заросшие бурьяном. Дорога упиралась в тупик, упирающийся прямо в стену леса. И там, на самом краю, за высоким деревянным забором, стоял тот самый синий дом.

На воротах, как и говорила Лиса, был нарисован странный знак: стилизованное солнце с лучами, похожими на ветви деревьев, а в центре – что-то вроде глаза. Катя невольно переёрнула плечами.

– Жутковато, – прошептала она.

Тимофей не ответил. Он уже оценивал обстановку: забор высокий, но старый, в нескольких местах прогнивший. За ним виднелись заросли каких-то высоких растений, не типичных для огородов. Воздух пахло не шашлыком и скошенной травой, а чем-то горьковатым, пряным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.